

ЛАБИРИНТЫ ИСТИНЫ

Ганс-Ульрих фон Кранц

ДЕТИ ФЮРЕРА

КЛОНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Ганс-Ульрих фон Кранц
Дети Фюрера: клоны Третьего рейха
Серия «Лабиринты истины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495491
Дети фюрера: клоны Третьего рейха : Вектор; СПб.; 2010
ISBN 978-5-9684-1458-8

Аннотация

В своих расследованиях Кранц все чаще натывается на сообщения о том, что Гитлера после войны видели в Аргентине и других латиноамериканских странах. Сначала он отмахивается от этих сообщений как от обычных баек, однако потом получает такую информацию от вполне надежного источника. Но ведь достоверно известно, что Гитлер погиб в Берлине! Речь идет о двойнике?

Углубляясь в процесс расследования, Кранц сталкивается с деятельностью системы «Лебенсборн», о которой до сих пор говорится очень мало. Официально это – система детских домов для воспитания расово полноценных детей. Однако Кранц обнаруживает, что на самом деле за фасадом «детских домов» скрывалась целая научная программа...

Содержание

К читателю	4
Глава 1	6
Газета к утреннему кофе	6
Перуанский скандал	9
ДНК Гитлера	12
Страх профессора де ла Квинтуры	15
Ложь контр-адмирала Вайоминга	17
Отчаяние Долорес	20
Глава 2	23
Счастливое детство?	23
Славяне должны быть уничтожены!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ганс-Ульрих фон Кранц

Дети фюрера: клоны Третьего рейха

К читателю

Любое историческое расследование похоже на лесную дорожку. Она петляет, вьется между стволами деревьев, то исчезая совсем, то выводя на широкие поляны, где она пересекается с другими такими же тропами, которые уводят тебя в неизвестность. Когда вступаешь на эту дорожку, то даже не можешь представить себе, куда она выведет. К старому полуразрушенному замку? К древнему капищу? А может, в гиблое болото?

Расследование, которому посвящена эта книга, похоже на такую дорожку. Начавшись с вполне невинной журналистской утки, оно в конечном счете привело меня на порог таких тайн, о существовании которых я и не подозревал. Тайн, глубоко спрятанных и смертельно опасных.

Кто я такой и почему добровольно сую свою голову в петлю? Что ж, об этом я уже говорил в предисловиях к своим предыдущим книгам, но каждый читатель имеет право знать необходимое обо мне заранее, чтобы решить, стоит ли мне доверять. Я не принадлежу к славной когорте профессиональных историков, тем не менее знаю, пожалуй, побольше многих из них. Родился я в Аргентине в 1950 году. Мой отец эмигрировал (вернее сказать – бежал) сюда из Германии после поражения нацистов во Второй мировой войне. Он был офицером СС, хотя и не принадлежал к числу тех, кто стоял на сторожевых вышках многочисленных концлагерей или сражался на фронте в составе элитных частей. Когда нацисты пришли к власти, отец, молодой, но подававший большие надежды ученый, занимался историей и традициями древних германцев. Достаточно быстро все эти исследования забрало под свое покровительство всемогущее ведомство Генриха Гиммлера. Перед моим отцом встал очень непростой выбор: либо стать эсэсовцем, либо отказаться от изучения любимой темы. Он выбрал первое. История показала, что это был неверный выбор, но имеем ли мы право сегодня обвинять его в этом?

Наверное, именно нежелание отца рассказывать о своем прошлом, равно как и о Третьем рейхе вообще, постоянно подогревало мой интерес к этому периоду германской истории. Начиная со студенческих лет я жадно читал книги, посвященные гитлеровской Германии и Второй мировой войне, но ни в одной из них не смог прочесть того, что поведали мне документы, найденные после смерти отца в металлическом сейфе, хранившемся с незапамятных времен на чердаке нашего дома.

Эти бумаги, посвященные самым загадочным сторонам истории Третьего рейха, и заставили меня взяться за исследования. В них я прочел о неизвестных мне ранее, шокирующих вещах: о таинственном проекте «Аненэрбе» («Наследие предков»), о связях нацистского руководства с оккультными силами, о секретной антарктической базе, о прорывных научных исследованиях, результаты которых не были превзойдены даже через двадцать лет после окончания войны... Их держали в секрете и побежденные, и победители. Потому что эти тайны были способны полностью взорвать наши представления о нацистской империи. Ведь долгое время историки внушали нам образ нацистского режима как полного банкрота, терпевшего крах во всех своих начинаниях. Может быть, на каком-то этапе это было правильным, но нельзя же десятилетия подряд кормить людей одной и той же сказкой! В действительности же этот чудовищный, демонический, преступный режим достиг в некоторых областях таких успехов, которые и не снились остальному человечеству. Об этом ясно говорили, буквально кричали документы, доставшиеся мне в наследство.

И я начал расследование, которое заняло у меня двенадцать лет. За это время я многократно рисковал своим добрым именем и даже жизнью, и вот теперь даже психическим здоровьем. Но, оглядываясь назад, я не жалею о том, что избрал этот путь, и надеюсь, что мои усилия не пропадут бесследно.

Третий рейх был самой ужасной и жестокой диктатурой в истории человечества. Именно поэтому нельзя фальсифицировать его историю, нельзя преуменьшать те успехи, которых удалось добиться гитлеровской клике. И тем более нельзя не брать в расчет те силы и возможности, которые стояли за нацистами – пусть они и не были раскрыты и использованы в полной мере. Скорее всего, это на самом деле были бесконечно могущественные, хотя и не изученные по сей день силы, те силы, которые практически никто в ученом мире не воспринимает всерьез. А может быть, так было сделано намеренно? Ведь разве будут искать то, во что никто не верит, или то, что все серьезные ученые считают вздором? Верить или нет? Я сделал свой выбор, а вы делайте свой. Ведь всегда существует достаточно света для тех, кто хочет видеть, и достаточно тьмы – для тех, кто не хочет.

Впрочем, не только желание донести до читателей свет истины движет мной сегодня. Я более чем уверен, что Третий рейх не умер, не стал достоянием прошлого. Что в мире есть силы, которые готовы в подходящий момент пробудить нацистское чудовище от спячки – и тогда наша планета содрогнется. Моя задача – открыть людям правду об этих силах, чего бы мне это в конечном счете ни стоило.

Глава 1

Призрак фюрера

Газета к утреннему кофе

Утро этого весеннего дня началось для меня с газеты. С той самой газеты, которую я так люблю полистать за чашкой утреннего кофе. Называть ее я не буду, скажу только, что речь идет об одном из самых солидных – и в то же время независимых – изданий Буэнос-Айреса. Эту газету знают многие, но я никак не ожидал, что газета сама прекрасно знает о моем существовании.

– Господин Кранц? – женский голос в трубке был мелодичным, мягким и безукоризненно вежливым. – Простите, что беспокоим вас так рано. Мы хотели бы обратиться к вам как специалисту по истории гитлеровской Германии. Вы читали наш сегодняшний номер?

– Еще нет, – спросонья пробормотал я, засовывая босые ноги в тапочки. Солнце уже вовсю светило в окна – судя по всему, утро было не слишком ранним.

– Там опубликована статья о том, что Гитлер, возможно, спасся из Берлина и еще долгие годы жил где-то в Аргентине. Мы хотели бы получить ваш комментарий.

Так, все понятно. Уже не в первый раз меня считают не то сумасшедшим историком, не то обычным проходимцем, пытающимся погреть руки на высосанных из пальца сенсациях. Тем не менее я вежливо пообещал перезвонить, как только ознакомлюсь со статьей. Ведь начинать новый день с выброса отрицательных эмоций – самое поганое дело, знаете ли.

Скажу честно: в редакцию я так и не перезвонил. Ни в тот день, ни когда-либо потом. И вовсе не из принципиальных соображений... Но не будем забегать вперед, вернемся к тапочкам, в которых я вышел к почтовому ящику. В ящике, конечно же, обнаружилась газета, а в ней, на третьей полосе, – большая статья с портретом Гитлера.

Гитлер умер в Аргентине?

Очередные сенсационные факты подтверждают версию историка Абеля Басти о том, что Гитлер сумел спастись после разгрома Германии и дожил в Аргентине до 1964 года.

Один из отставных сотрудников национальной контрразведки, просивший сохранить его имя в тайне, рассказал, что в 1945 году правительство поручило ему курировать «важных гостей из Германии», пребывание которых в стране нужно было сохранить в глубокой тайне. Имена гостей не называются, однако наш собеседник заверил, что это были Адольф Гитлер и Ева Браун. Он курировал их в течение девятнадцати лет, до 1964 года, после чего был переведен на другую работу. Жили «важные гости из Германии» в небольшом доме в городке Сан-Карлос-де-Барилоче.

Эти показания имеют тем больший вес, что полностью совпадают с сенсационными открытиями, которые представил аргентинским читателям известный историк Абель Марти. В своей вышедшей в 2006 году книге «Гитлер в Аргентине» исследователь убедительно доказывает, что в 1945 году Гитлер и его жена Ева прибыли в Аргентину на подводной лодке. U-977, на борту которой находились лидер Третьего рейха и шестеро

его приближенных, пересекла Атлантический океан, высадив пассажиров вместе с их грузом в июле-августе 1945 года в бухте Калета-де-лос-Лорос провинции Рио-Негро. После высадки все три лодки были тайно затоплены и пролежали на дне до того дня, пока не были обнаружены командой исследователей во главе с историком. «При помощи специальных приборов мы зафиксировали, что в этом районе патагонского побережья на глубине тридцати метров, занесенные слоем песка, покоятся три германские подводные лодки, о потоплении которых не упоминается ни в одном из архивов штаба ВМС и Министерства обороны», – пишет Басти.

Отдохнув после морского пути, Гитлер и Браун отправились в путешествие по Аргентине. По дороге они останавливались в поместье Ла Ангостура в гостях у близкого аргентинскому диктатору Перону предпринимателя Хорхе Антонио, а в 1949 году побывали в маленькой гостинице, принадлежавшей бывшим финансовым агентам Третьего рейха Вальтеру и Иде Эйкхорнам. В дальнейшем Гитлер с женой проживали в небольшом доме в Сан-Карлос-де-Барилоче, а в 1964 году уехали в Парагвай. Дальше их следы теряются. Не исключено, что Гитлер прожил до начала восьмидесятых годов.

В подтверждение своей версии Басти приводит множество доказательств. Среди них – рассекреченные рапорты ФБР о прибытии Гитлера в Аргентину, а также масса свидетельских показаний – например, рассказ садовника, многие годы находившегося в услужении у Адольфа Гитлера. Серьезно затрудняет работу исследователя тот факт, что многие просто боятся рассказывать о своих встречах с фюрером и найти свидетелей становится очень сложно.

Факт смерти Гитлера в Берлине в 1945 году подвергается сомнениям уже давно. Останки, которые выдавались за труп фюрера, сильно обгорели, и опознание проводили по зубам – генетической экспертизы тогда еще не было. Но стоматологи утверждают, что такой метод вполне мог привести к тому, что вместо Гитлера был «опознан» его двойник! Более того, это весьма и весьма вероятно.

Собственно говоря, дальше статью можно не цитировать. Ничего особо нового я из нее не узнал. С господином Марти я попытался пообщаться сразу после выхода его книги, но он предпочел завершить наше общение, как только я начал задавать ему неудобные вопросы. Например, о том, каким образом Гитлеру удалось сбежать из окруженного русскими Берлина? Телепортироваться? Иным способом это было сделать невозможно – подземных ходов нужной длины под столицей рейха попросту не было, так же как и неоткуда было взлететь самолету, даже самому легкому.

О судьбе несчастной подлодки U-977 ее бывший командир вынужден был написать книгу – так его достали всевозможные искатели тайн. История этой лодки на самом деле весьма прозаична: это была обычная боевая субмарина, команда которой не желала попадать в плен к победителям. 10 мая 1945 года лодка пошла в Аргентину, высадив всех несогласных на острове неподалеку от норвежского города Бергена. В августе субмарина пришла в аргентинский порт Мар-дель-Плата и была там интернирована. Вскоре ее передали в США, где она служила учебной мишенью... Как видим, никакого таинственного затопления не было и в помине.

И последнее. Совершенно неясно, зачем Гитлеру было бежать в Аргентину, если он спокойно мог приплыть на секретную базу в Антарктиде, где его ждали сподвижники. Фюрер ушел на пенсию? Мне в это верится слабо. Зато я охотно верю в то, что вся эта исто-

рия со «спасением Гитлера» была выдумана теми, кто хотел отвлечь внимание от антарктической базы...

Именно это я и хотел рассказать журналистам уважаемой мной газеты. И, наверное, на этом вся история и завершилась бы. Если бы не моя дурацкая привычка разбираться во всем досконально. Она-то и заставила меня искать еще свидетельства о пребывании Гитлера в Южной Америке, причем чем нелепее – тем лучше.

С этого все и началось...

Перуанский скандал

Материалов относительно пребывания «великого и неподражаемого» фюрера немецкой нации в Южной Америке мне удалось найти довольно много и довольно быстро. В подавляющем большинстве это были статьи из различных желтых изданий с леденящими душу подробностями о том, как Гитлеру удалось спастись из Берлина и как потом его много раз видели в различных городах и странах нашего континента. Создавалось впечатление, что после своего чудесного спасения фюрер только тем и развлекался, что шлялся по разным странам и пытался попасться на глаза как можно большему числу людей.

Правда, кое-где мне приходилось читать, что Гитлер никаких турне не совершал, а отсиживался в одной из многочисленных немецких колоний, куда не пускают посторонних. И действительно, немецкие колонии в Аргентине, да и во всей Южной Америке, – это особая субкультура. Просто так туда не попадешь. Причем чисто физически – просто не пустят. На вполне законных основаниях: «Извините, это частная собственность». Власти к колонистам не лезут – в конце концов, те ведут себя вполне лояльно, в политику не вмешиваются, беспорядки не устраивают и платят немалые налоги. Кроме того, в их руках мощные финансовые рычаги.

В колониях хорошо помнят свою родину. Не нынешнюю ФРГ, а старую империю. Поэтому и к нацизму относятся пусть и без явного одобрения, но вполне лояльно. С колониями связаны даже те немцы, которые живут за их пределами, в больших городах, например, как я. Соответственно, и доступ внутрь этого тесного мирка мне обеспечен, тем более что я сам вырос в одной из таких колоний и за свою жизнь мне довелось побывать в большинстве из них. Именно поэтому я наверняка знал бы, что там скрывают Гитлера, – шило таких размеров утаить в мешке невозможно.

Другие, с позволения сказать, журналисты пишут о том, что фюрер жил в самом обычном доме в каком-нибудь самом обычном городке. Как Эйхман. Но Эйхман был довольно мелкой сошкой, и все равно его рано или поздно поймали, судили и казнили. Портреты же Гитлера видели все, за исключением разве что племен в самых диких уголках тропической Африки. Так что затеряться в толпе у фюрера не было никаких шансов.

Я уже было хотел прекратить такое увлекательное, но совершенно бесполезное чтение и позвонить в редакцию газеты, как вдруг мне на глаза попалась довольно любопытная статья:

Гитлер в Лиме?!

Новость, которая может стать мировой сенсацией: в Национальный медицинский центр Перу обратился человек, который утверждал, что он является Гитлером! Портретное сходство с германским диктатором действительно потрясающее. На вид пожилому мужчине около семидесяти лет, однако это не делает его заявление более правдоподобным – ведь настоящий Гитлер родился более ста лет назад и, как считается, погиб в Берлине в 1945 году при взятии города русскими войсками.

Тем не менее по настоянию неизвестного были сделаны точные замеры. Величины и пропорции его тела полностью совпали с таковыми у германского диктатора! Тогда необычным пациентом занялся один из ведущих специалистов центра профессор Гомес Эстрада де ла Квинтура. Сделанный профессором анализ ДНК показал, что пришедший в

медицинский центр старик действительно является Гитлером! Как это могло произойти – неясно. Ошибка в исследовании, по словам профессора де ла Квинтуры, исключается.

Далее следовал подробный пересказ биографии Гитлера, а также гипотезы относительно того, как фюреру удалось выбраться из Берлина и бежать в Перу. В конце газета, разумеется, обещала своим читателям держать их в курсе дела. Статья была датирована 16 мая 1986 года.

В принципе, эту заметку можно было бы отложить в сторону, как и другие ей подобные. Но что-то в ее тексте заставило меня насторожиться. Каким-то шестым чувством, выработавшимся за долгие годы, я понял: эту заметку нельзя откладывать в сторону просто так. И поэтому я еще раз внимательно прочитал ее.

В глаза незамедлительно бросились три вещи. Первое. Скептический тон автора статьи. Обычно такого рода заметки пишутся с напускным энтузиазмом, автор пытается всех убедить, что произошла сенсация, более того, что никаких сомнений в реальности этой сенсации и быть не может. А статья «Гитлер в Лиме» была написана человеком, явно весьма скептически относившимся к возможности появления в Перу престарелого Гитлера. Или это был такой тонкий психологический прием, рассчитанный на сомневающихся вроде меня?

Второе. В статье были названы весьма авторитетный медицинский центр и очень уважаемый ученый. И тот, и другой, как я установил очень быстро с помощью Интернета, существуют в реальности. Это крайне нетипично для подобного рода статей – обычно желтые журналисты ссылаются либо на вымышленных персонажей, либо на каких-то откровенных безумцев. На известных и уважаемых людей – если они, конечно, еще живы – ссылаться опасно: могут и по судам затаскать.

И наконец, третье. Опубликовавшая статью газета вовсе не была желтым листком. Она оказалась весьма солидным и респектабельным общественнополитическим изданием типа английской «Тайме». Это уже было совершенно непонятно. Такая газета ни за какие коврижки не будет публиковать дутые сенсации, потому что при этом она неизбежно потеряет репутацию – самое ценное, что у нее есть. Почему же солидное издание напечатало на первый взгляд явную «утку»?

Я начал искать ответ на этот вопрос, а заодно и обещанное продолжение статьи. И не нашел ни того, ни другого. Тема «перуанского Гитлера» в газете больше не затрагивалась. Но отчаиваться я не привык и, отправившись в библиотеку, стал просматривать другие перуанские газеты за май 1986 года.

Скажу сразу: никаких упоминаний о странном инциденте я в них не нашел. Зато нашел другой, не менее интересный материал: статью в газете местных коммунистов «Че Гевара». В номере от 20 мая 1986 года была помещена небольшая заметка под кричащим заголовком:

Наглость американской военщины – янки устроили стрельбу в медицинском центре

Всем давно известно, что янки ведут себя на нашей земле как в колонии. Всем давно известно, что, если на улицах наших городов появляются гринго с оружием – ничего хорошего от них ждать не приходится. Однако вчерашние события в районе Национального медицинского центра затмили все, что мы видели раньше.

Большая группа моряков с прибывшего в гавань Лимы американского эсминца «Коссак» устроила рано утром стрельбу под окнами находящейся при медицинском центре больницы. По словам немногих очевидцев, все

это напоминало штурм здания. Видимо, пьяная матросня решила провести военные учения и не смогла найти для этой цели более устрашающего объекта, чем Национальный медицинский центр Перу. По некоторым данным, перестрелка длилась больше часа, и только после этого на место происшествия начали прибывать наши доблестные военные. Очевидцы свидетельствуют о нескольких трупах людей в серой одежде с автоматами, лежавших неподалеку от больницы. Судя по всему, речь идет о полицейских в штатском, которые, не разобравшись в происходящем, посмели перечить нашим доблестным союзникам, нашим старшим, черт бы их побрал, англосаксонским братьям. Прибывшие на место перуанские военные не повторили этой ошибки: с почтительного расстояния они смотрели, как американцы грузятся в свои машины и уезжают восвояси.

Сколько больных и медицинского персонала погибло и пострадало в результате этого «штурма» – власти не сообщают. Буржуазная Лима вообще прилагает все усилия к тому, чтобы замолчать этот инцидент. В этих условиях есть только одно радующее нас обстоятельство – вчера днем «Коссак» убрался из наших вод куда подальше.

Если убрать все лирические отступления, вырисовывалась интересная картина: в середине мая в Национальный медицинский центр обращается человек, который утверждает, что является Гитлером. В принципе, случай вполне банальный, обычно такого «фюрера» вежливо препровождают под присмотром санитаров в комнату с мягкими стенами. Почему-то ученые не делают этого, а берут дорогостоящий анализ ДНК, да еще и сравнивают с ДНК Гитлера... откуда они его взяли, кстати? Спустя несколько дней как бы случайно оказавшись рядом американские моряки берут штурмом больницу, где держат «Гитлера», и убывают восвояси, а власти не только не вмешиваются, но и делают все возможное для того, чтобы погасить скандал!

Все это было больше похоже на дурно состряпанную мистификацию. Но в правдивости информации сомневаться в данном случае не приходилось. Оставалось только попытаться найти объяснение тому, что на первый взгляд казалось необъяснимым.

ДНК Гитлера

Начал я, казалось бы, с самого простого – с истории об анализе ДНК. Эта аббревиатура из трех букв знакома, думаю, всем, но на всякий случай поясню: дезоксирибонуклеиновая кислота – это длинная молекула, которая есть в каждой клетке нашего организма. Именно она обеспечивает хранение, передачу и реализацию генетической информации. Грубо говоря, именно благодаря ДНК наши дети вырастают, во-первых, людьми, а во-вторых, похожими на нас.

ДНК – молекула очень сложная и у каждого человека она уникальна. Так же уникальна, как и отпечаток пальца. Чем в более близком родстве состоят два человека, тем более похожи у них молекулы ДНК. Именно это позволяет проводить генетический анализ, дающий возможность установить, являются два человека родственниками или нет.

Обычно его применяют при установлении отцовства, реже для опознания чьих-нибудь останков.

К слову сказать, именно отсутствие данных о ДНК Гитлера приводят в качестве доказательства того, что фюрер не погиб, а спасся. Дескать, обгорелая челюсть, которая хранится в Москве, вовсе не принадлежит «наци номер один», и русские об этом прекрасно знают, поэтому и не позволяют провести генетическую экспертизу. А другие останки Гитлера были по не очень понятной причине сожжены в 1970 году под Магдебургом – пепел после этого развеяли по ветру. Не для того ли, чтобы скрыть тот факт, что Гитлеру удалось спастись?

По поводу спасения Гитлера я уже говорил: это невозможно чисто технически. Никакие арийские технологии не давали фюреру возможности вырваться из Берлина, когда бои шли уже на подступах к Имперской канцелярии. А вот по поводу анализа ДНК... Ну хорошо, получили бы ученые в свои руки злополучную челюсть. А с чем они стали бы сравнивать полученный генетический код?

И тут меня осенило. Разумеется, с генетическим кодом ближайших родственников Гитлера! Семья, в которой рос молодой Адольф, была не слишком многодетной – и тем не менее у него имелась родная сестра, которая оставила после себя потомство. Еще пара часов за компьютером – и я получил довольно полное представление о том, как искали ДНК вождя Третьего рейха...

... Структура ДНК была впервые описана в 1953 году, и десятилетие спустя ее анализ уже не представлял больших сложностей. В шестидесятые годы в знаменитом Гейдельбергском университете в Германии стартовал так называемый «Гейдельбергский генетический проект». Проект этот не был секретным, но его особо и не афишировали. Суть заключалась в том, чтобы попытаться восстановить ДНК Гитлера. Зачем? Для идентификации останков. Ну и из чисто научного интереса, конечно. По крайней мере, так утверждали авторы проекта.

Сначала работа шла туго. Никаких останков Гитлера в распоряжении ученых не было. Лишь некоторое время спустя им всеми правдами и неправдами удалось добыть медальон с прядью волос фюрера. Принадлежал он одной даме из числа баварских аристократок, которая покровительствовала Гитлеру на начальном этапе его политической карьеры. Да-да, мало кто знает, но фюрер был любимцем женщин, причем особо нежные чувства он вызывал у зрелых, замужних матрон лет на десять-пятнадцать старше его. Правда, полные данные из этой пряди получить не удалось – время слишком серьезно потрепало ее.

Чтобы восполнить этот пробел, решили взять образцы ДНК у родственников Гитлера. Найти их оказалось не очень простой задачей. Во-первых, будущий фюрер германской нации еще в молодости порвал отношения с семьей – как только они перестали приносить ему деньги, и некоторые племянники Гитлера вполне искренне не знали, кто приходится им дядей. А те, кто знал, не очень-то стремились идти на контакт с учеными – зловещий облик

Гитлера бросал тень и на его родственников. Факт родства с преступником номер один старались всячески скрыть.

Впрочем, поиски дали результат. Удалось взять образцы ДНК у четырех довольно близких родственников фюрера и таким образом дополнить картину. Но все равно воссоздать генетический код Гитлера не удалось. По данным моих источников, профессора из Гейдельберга очень рассчитывали на исследование останков фюрера, но после того как в 1970 году русские их сожгли, проект постепенно заглох. Именно заглох – никаких данных об официальном закрытии «Гейдельбергского генетического проекта» у меня нет.

А что дальше? А дальше данные, полученные в Гейдельберге, стали довольно широко доступны. Когда и как это произошло, я не знаю. Но в 1990-е годы поиск родственников Гитлера по его ДНК стал чуть ли не популярным развлечением. По крайней мере, в испанской газете «Эль Мундо» мне попала такая статья.

Австрия – найдено тридцать девять родственников Гитлера

Бельгийским «охотникам» за потомками рода Гитлеров удалось расшифровать ДНК нацистского диктатора и обнаружить в Австрии его родственников, большинство из которых даже не подозревают об особенностях своей родословной.

Журналист Жан-Поль Мальдерс и историк Марк Вермирен начали розыски в Австрии, где их внимание привлекли в первую очередь люди, носящие фамилии, похожие на Гитлер. Тайно добывая окурки, объедки и другие носители ДНК, «детективы» вели свои расследования.

На данный момент, утверждают журналист и историк, им достоверно известны имена тридцати девяти родственников фюрера. Большинство из них даже не подозревают, из какого рода они происходят. Исследователи утверждают, что в свое время их предки сменили фамилии, изменив в них всего несколько букв.

«Все живые Гюттлер в регионе Вальдфиртель являются далекими потомками отца Гитлера, хотя многие даже не знают об этом. Мужчины имеют одинаковые хромосомы Y, и не имеет значения, прошло сто или тысяча лет, она не потерялась», – заявил Вермирен. Также зафиксировано, что родственники Гитлера носят фамилии Гётлер и Гидлер.

Работали, сразу видно, любители, причем не совсем законно. Мальдерс и Вермирен, правда, придумали историю о том, что образец ДНК добыт ими в США, где живут внучатые племянники Гитлера – Луис, Брайан и Александр, – взявшие себе фамилию Стюарт-Хьюстон. Якобы неутомимые сталкеры долго следили за стариками и наконец подобрали салфетку, которой Александр вытер губы, после чего выкинул ее в окно своей машины. Так это или нет, но обилие подобных исследований наводит на мысль, что нити ведут в Гейдельберг...

А значит, генетический код Гитлера мог оказаться и в Перу. Сравнить его с генетическим кодом неизвестного, пришедшего в Национальный медицинский центр, – дело совсем не сложное. Но оставались еще два вопроса: что заставило медиков поверить неизвестному и какую роль во всем этом сыграли американские моряки?

Впрочем, определенная картина в моей голове к этому моменту уже нарисовалась. Судя по всему, незнакомец смог предъявить какие-то документы, из которых следовало, что он – близкий родственник покойного фюрера. Генетическая экспертиза это подтвердила. Оче-

видно, парень располагал какой-то информацией, потому что перуанские власти мгновенно приставили к нему полицейских агентов. Североамериканцы тоже решили завладеть ценным свидетелем и применили – в своем излюбленном стиле – силу. Это привело к перестрелке, но до масштабного столкновения дело не дошло, поскольку на высоком уровне удалось прийти к соглашению...

Не слишком связно, да? Но ничего другого у меня не было. Кроме двух действующих лиц. Первое – Национальный медицинский центр Перу и конкретно профессор де ла Квинтура. Покопавшись в Интернете (что ни говори, а удобная это штука, хоть и мусора там изрядно), я обнаружил, что в самом начале 1987 года профессор уволился из центра и уехал... в Аргентину! Жил он, судя по всему, совсем недалеко от меня, причем свои контакты с внешним миром свел к минимуму. Значит, на билете в Перу можно сэкономить.

Вторая зацепка. Эсминец военно-морского флота США «Коссак». Его командиром в 1986 году, как мне удалось узнать, был Джордж Вайоминг. Кадровый военный, он усердно карабкался по служебной лестнице до того момента, как... думаю, вы догадались. До лета 1986 года. Вайоминг совершенно неожиданно на первый взгляд получает почетную боевую – подчеркиваю: боевую! – награду, вне очереди повышается в звании и переводится на штабную работу, где и служит до своего ухода в отставку в 1997 году. Судя по всему, Джордж Вайоминг на данный момент еще не умер и благополучно проживает в своей родной Небраске.

Так что на билете в США у меня, похоже, сэкономить не получится.

Страх профессора де ла Квинтуры

Найти адрес профессора оказалось сложнее, чем я ожидал. Ученый, видимо, действительно полностью ушел от мира и не хотел привлекать к себе чьего-либо внимания. Современным отшельникам ведь нет нужды уходить в дикие горы и селиться в пещере. Им легче затеряться в большом городе, в гуще людей, в лабиринте многоквартирных домов, где их личная двухкомнатная пещера будет изолирована от окружающего мира так же надежно, как если бы она находилась в самой дикой части Анд...

И все же на следующий день я стоял перед входом в эту пещеру. Стоял и не решался войти. Я думал о том, что заставило ученого бросить работу и эмигрировать в другую страну. Вне всякого сомнения, это было связано со странным незнакомцем. Профессор боялся? Слишком много знал? Ему угрожали? Или же испытал какое-то моральное потрясение, после которого так и не смог оправиться?

В любом случае я не рассчитывал на радушный прием, когда нажимал на зеленую кнопку старого дверного звонка. И в общем-то оказался прав...

Из глубины квартиры послышались шаркающие шаги, и старческий голос из-за двери произнес:

– Кто вы и что вам надо?

– Господин профессор де ла Квинтура, мне очень нужно с вами поговорить. Мое имя – Ганс-Ульрих фон Кранц и...

Глухо лязгнул железный замок, и дверь со скрипом открылась. За ней стоял закутанный в плед горбун, смотревший на меня полубезумным взглядом. Профессор был очень стар: на вид – около восьмидесяти лет. После долгой паузы он сделал шаг назад и произнес:

– Проходите.

Я вошел в прихожую. Старая мебель, старые обои. Воздух был затхлым, какой он бывает в старых домах, где живут старые люди. В каком году Квинтура последний раз проветривал свое жилище?

Мы прошли в комнату, где профессор жестом указал мне на стул, усевшись в большое кресло. Только тогда он снова поднял на меня глаза. В них был страх.

– Что вам нужно от меня? Я строго соблюдаю все ваши условия... – начал он.

Этого я не ожидал. Ровно секунда ушла у меня на то, чтобы понять, что старик принял меня за представителя какой-то организации или группы людей, и чтобы выработать стратегию дальнейшего разговора. Ровно секунда. Но я недооценил горбуна. Ему хватило половины секунды, чтобы прочесть в моих глазах, что я не тот, за кого он меня принял.

– Вас послали не они. Что вам нужно от меня? – тон старика изменился, стал резким и даже властным.

– Профессор, мне нужна информация. Думаю, вы сами знаете какая. Я сохраню тайну...

– Вы сами понимаете, что я ничего не скажу. Не теряйте времени, Ганс Унтер или как вас там...

– Вам не о чем волноваться, господин...

– Мне лучше знать. Вы не сможете гарантировать мою безопасность, даже если захотите. Эти люди – они куда могущественнее вас, кем бы вы ни были.

– Господин де ла Квинтура, это нужно не только мне, это нужно всему человечеству...

– Я – тоже человечество. И за всю мою жизнь остальная часть человечества не сделала для меня ничего такого, за что я был бы ему обязан.

Мы молча смотрели друг на друга. У меня оставался единственный шанс.

– Господин профессор, те, кого вы боитесь, – немцы. Поэтому вы меня и впустили – немецкая фамилия. Да, я – тоже немец. Дайте мне их координаты, и я поговорю с ними сам. Напрямую.

По старческому лицу де ла Квинутры пробежала гримаса. Несколько секунд он сидел неподвижно, словно в нерешительности, потом взял со стоявшего рядом столика какую-то бумажку и написал на ней огрызком карандаша несколько слов.

– А теперь уходите. Все. – Он протянул мне бумажку. Ее содержание я прочел, уже спускаясь вниз по лестнице. Там было всего три слова: «Генрих Штайнферинг. Лима».

Похоже, на билет в Перу все-таки придется потратиться.

Ложь контр-адмирала Вайоминга

Полет в Лиму, впрочем, пришлось отложить – мною уже были заранее забронированы билеты в США. Мистера Вайоминга я, к слову сказать, тоже не стал предупреждать о своем визите. В последнее время я стал крайне невежлив. Застав человека врасплох, больше шансов получить от него полезную, а главное, правдивую информацию. Похоже, к старости я превращаюсь в циника.

В аэропорту Линкольна я зашел в контору, которая занимается прокатом автомобилей. Ассортимент не впечатлял – веселеньких расцветок малолитражки занимали все пространство стоянки. Можете обвинить меня в мужском шовинизме или в чем угодно еще, но такие авто я считаю женскими и предпочитаю ездить на чем-нибудь побольше. К счастью, в дальнем конце стоянки обнаружился огромный черный «субурбан». Эта машина, наоборот, показалась мне великоватой, как и стоимость ее аренды, но альтернативы не было. Я с грустью вспомнил оставшийся дома «мерседес», а также русский армейский джип, на котором я выбираюсь в дикие уголки родной страны... Вот на нем бы я с удовольствием покатался по Штатам. Причем желательно в составе русской моторизованной дивизии. Ну не любят у нас в Аргентине янки, что уж тут поделаешь...

Контр-адмирал Вайоминг жил в небольшом городке на юге штата. Местечко довольно глухое – может, он, как и де ла Квинтура, хотел укрыться подальше от любопытных глаз и расспросов? Честно говоря, я боялся наткнуться на глухую стену молчания, на отказ вообще обсуждать что бы то ни было... Вскоре выяснилось, что я ошибался.

Джордж Вайоминг выглядел как обычный американский пенсионер – улыбчивый, склонный к полноте, неторопливый. Правда, военная выправка до сих пор бросалась в глаза. Мы сидели на веранде его большого дома и вели неторопливый разговор.

– Мистер Вайоминг, меня зовут Ганс-Ульрих фон Кранц – я втайне надеялся, что немецкое имя вызовет у контр-адмирала некие неожиданные ассоциации, как это было с профессором. Напрасная надежда. – Я занимаюсь сейчас историей военно-морского флота США в восьмидесятые годы. И меня крайне заинтересовали события, связанные с заходом эсминца «Коссак» в Лиму в 1986 году.

Я сделал паузу, пристально глядя на своего собеседника. На лице моряка не дрогнул ни один мускул. Он кивнул головой, приглашая меня продолжить.

– Дело в том, что, по некоторым данным, моряки вашего корабля участвовали в каком-то инциденте около Национального медицинского центра. Мне хотелось бы получить ваш комментарий...

– Да, я припоминаю эту историю, – спокойно кивнул Вайоминг. – Мы были в Лиме с визитом вежливости, и часть команды отправилась на берег посмотреть город. Это обычная практика. В то время как наши моряки находились около госпиталя, их атаковали экстремисты. Мои люди смогли отбиться, а заодно защитить персонал и больных до прибытия перуанских сил правопорядка.

– Простите, – изумился я, – ваши моряки отправились на прогулку с оружием?

– Да, – как ни в чем не бывало кивнул Вайоминг. – Власти предупредили нас о возможном нападении. Поэтому наши люди имели при себе личное оружие – для самообороны. Естественно, с перуанскими властями это было согласовано.

– Именно за это вы получили награду?

– Да, – снова кивнул старый моряк. – При Рейгане делалась ставка на силу. Было очень важно показать, что нам не страшна никакая угроза и что мы можем за себя постоять.

– Простите, – я бросил в бой последний козырь. – Но мне говорили, что как раз в это время в Национальном медицинском центре находился человек, выдававший себя за Гитлера, и что после инцидента он таинственно исчез.

– Правда? – изумленно произнес контр-адмирал. – Любопытная деталь. Впервые слышу. Вы знаете, там царила такая неразбериха, вполне возможно, что при этом кто-то из больных мог быть убит случайной пулей или скрыться...

Он очень старался, этот старый моряк, изображая удивление. Но все-таки он был профессиональным военным, а не профессиональным актером. Актер, наверное, смог бы меня обмануть. Но в реакции Вайоминга я четко почувствовал фальшь. Дальнейшая беседа не имела никакого смысла – я понял, что моему собеседнику есть что скрывать, но он никогда не скажет правду. Вежливо распрощавшись, я покинул дом адмирала.

Теперь мой путь лежал в Лиму...

Найти Штайнферинга оказалось весьма сложной задачей. Гораздо сложнее, чем я предполагал. Пришлось потратить не только время, но и деньги, чтобы добыть нужную информацию. И все равно уверенности в успехе у меня до самого конца не было.

И вот я стою на узкой улочке в одном из окраинных кварталов перуанской столицы и держу в руках листок бумаги с адресом. Дом, в котором проживает Штайнферинг, – это, судя по всему, вон то покосившееся двухэтажное строение, смесь особняка и сельской хижины. Но, во всяком случае, колючей проволоки по периметру не видно и овчарки вход не стерегут, что внушает оптимизм.

Мне пришлось позвонить трижды, прежде чем из глубины дома послышались какие-то звуки. Все это время меня не покидало ощущение, что дом внимательно разглядывает мою скромную особу, стоящую на крыльце. Наконец я услышал шум приближающихся шагов, а затем грубоватый голос спросил из-за двери:

– Что нужно?

– Простите, я ищу Генриха Штайнферинга...

– Кто вы и что вам от него нужно?

– Мое имя – Ганс-Ульрих фон Кранц, я хотел задать господину Штайнферингу несколько вопросов...

– Генрих Штайнферинг скончался три года назад, – ответили мне после короткой паузы.

– О... возможно, я смогу поговорить с кем-нибудь из его родственников... – я цеплялся за надежду, как утопающий за соломинку.

– О чем? – голос за дверью был все так же непреклонен. Но беседу не прерывал. Это давало надежду.

– О событиях в Лиме в 1986 году...

Дверной замок щелкнул, и дверь открылась. На пороге стоял крепкий мужчина средних лет. Явно европеец, не перуанец. Темные волосы, густые брови, взгляд серых глаз буквально сверлил меня. Я рассчитывал, что меня пустят в дом, но мой собеседник оставался на пороге, загораживая мне вход.

– А при чем тут Генрих Штайнферинг?

– Мне известно, что он определенным образом причастен к этим событиям...

– От кого? – вопросы звучали, как удары плетью. Я начинал чувствовать себя как на допросе, и это раздражало меня. Поэтому я ответил вопросом:

– Это имеет большое значение?

– Господин... как вас там, – голос мужчины стал угрожающим. – Вы пришли сюда за информацией. Так? Прежде чем что-либо вам рассказать, я хочу знать все, что меня интересует. Итак, я жду.

Больше всего мне хотелось сбить хама с ног ударом в челюсть. В том, что это получится у меня с первой попытки, я не сомневался, хотя мой собеседник явно не был слабаком. Но так поступают в подобных ситуациях только герои дешевых боевиков. В жизни приходится вести переговоры. Я улыбнулся, чтобы разрядить атмосферу, и сказал:

– Один из участников тех событий. Гюнтер Гроленц. – Имя, естественно, было выдумано мной на ходу. Пусть де ла Квинтура доживает свой век спокойно.

– Впервые слышу. И что он вам рассказал? – здоровяк явно напрягся.

– Ничего особенного. Если бы он выложил мне все, у меня не было бы необходимости идти сюда. Главное, он назвал имя. Генрих Штайнферинг.

Я играл ва-банк, чувствуя, что рискую. Но после этих слов мой собеседник явно расслабился.

– Что ж, у меня для вас найдется мало интересного. Генрих Штайнферинг – мой отец. Он рано развелся с моей матерью, и за всю жизнь я видел его лишь пару раз. Уведомление о том, что мне достался в наследство этот дом, я получил уже после его смерти. – Стоявший в дверях человек замолчал, продолжая буравить меня взглядом.

– И вы не знали, чем занимается ваш отец? После него не осталось никаких документов? – изумился я.

– Повторяю: мой отец – негодяй, бросивший мою мать. Знать о нем я ничего не хотел и не хочу до сих пор. С какими темными компаниями он являлся – мне неинтересно. Все его бумажки я выкинул, когда приехал в этот дом.

– Может, у вас остались какие-то его контакты, вы случайно знаете его друзей...

– Послушайте, сеньор, – решительно прервал меня мой собеседник. – Я не знаю и не хочу знать никаких друзей. И мне, поверьте, больше нечего вам сказать. Так что давайте не будем тратить наше время и распрощаемся. Я все равно ничем помочь не смогу.

Теперь разговор был завершен окончательно и бесповоротно. Дверь захлопнулась. Не зная, что делать дальше, я поднял глаза... и уставился прямо в прекрасно замаскированный объектив видеокамеры. Мне стало не по себе. Я повернулся и быстрым шагом пошел прочь. И все же, отойдя на порядочное расстояние, не мог удержаться и оглянулся.

В окне второго этажа был виден силуэт человека. Человека, который стоял и наблюдал за мной. Это не был мой нелюбезный собеседник – фигура в окне была гораздо более тонкой. Не знаю почему, но мне показалось, что там стоит старик. Глубокий старик.

Я повернулся и зашагал прочь.

Отчаяние Долорес

Зайдя в кафе и заказав кружку пива, я попытался подвести итог. Сын Штайнферинга – если это, конечно, был его сын – явно лгал. Он даже не спросил, какие именно события в Лиме я имею в виду – сразу понял, о чем речь. И устроил мне форменный допрос... Впрочем, он тоже узнал ненамного больше. Возможно, я зря назвал свое настоящее имя, но просчитать ситуацию наперед, увы, не всегда возможно.

Баланс был не в мою пользу. Все, кто хоть что-нибудь знал, либо прямо отказывались говорить, либо лгали. Это значит, что в Лиме двадцать с лишним лет назад действительно произошло нечто экстраординарное, но вот что именно?

Я отхлебнул пива и задумался. Все ниточки оборваны. Так что же, возвращаться домой, в Аргентину? Но... не бывает отчаянных положений, бывают отчаявшиеся люди. Так говорил один из лучших немецких военачальников Гейнц Гудериан. А отчаиваться я не собирался.

В конечном счете во всей этой истории есть еще одна зацепка. Национальный медицинский центр Перу. Де ла Квинтура был не врачом-одиночкой, он работал в мощной организации. Вся эта история с «Гитлером» не могла не оставить следов. С тех пор прошло не так уж много времени, чуть больше двадцати лет, и наверняка еще остались те, кто помнит события восемьдесят шестого...

... В Национальном медицинском центре Перу сбылись мои худшие опасения. Да, там было полно людей, которые работали больше двадцати лет. Да, хватало и тех, кто помнил де ла Квинтуру. За три дня я побеседовал с дюжиной старых сотрудников, которые не могли не помнить события, происходившие в мае 1986 года... Но каждый раз, когда разговор приближался к этой теме, я натывался на стену. Ни прямые вопросы, ни окольные пути не помогали. К концу третьего дня я оказался в том же кафе с кружкой пива. Я был в тупике. И, наверное, там бы и остался, если бы не то шестое чувство, о котором я уже говорил.

Я перебирал в голове свои беседы с медиками. И вспомнил один факт, который сначала показался мне малозначительным. Почти каждый третий из моих собеседников рекомендовал сходить в архив медицинского центра. Причем это было – я чувствовал нутром – не просто вежливой отсылкой куда подальше. Все они вкладывали в этот совет один и тот же скрытый от меня смысл. Но вот какой?

Короче говоря, на следующее утро я ни свет ни заря отправился в архив. Заведующая – женщина лет пятидесяти, на лице которой были видны следы былой красоты, – безучастно скользнула взглядом по моим документам и принесла мне несколько папок, относившихся к 1986 году.

Пролистав их, я не нашел ничего интересного. Но так быстро я сдаваться не привык, к тому же мой опыт работы в архивах говорил о том, что самые интересные документы обычно не так-то просто найти. И я усердно брал все новые и новые папки – с упорством Данаид, пытающихся наполнить бездонную бочку...

Чем дольше продолжались мои бесплодные поиски, тем явственнее я замечал перемены в поведении заведующей архивом. Сначала равнодушная и безучастная, она теперь уже с интересом наблюдала за мной. На пятом часу моей работы, передавая мне очередную порцию папок, она спросила:

– Я вижу, вы ищете что-то конкретное... Могу я поинтересоваться, что именно?

– В этом медицинском центре в мае восемьдесят шестого произошли довольно странные события, – я решил быть откровенным. – Я пытаюсь выяснить детали.

– Вы уверены, что это не слухи? – или мне показалось, или голос женщины действительно слегка дрожал.

– По крайней мере, профессор де ла Квинтура, с которым я говорил пару недель назад, их не опроверг.

– Вы видели его? Как он? Что с ним? – женщина вцепилась мне в руку с такой силой, что я чуть не закричал. Увидев гримасу боли на моем лице, она отдернула руку и поспешно произнесла: – Простите... простите. Я не должна была так реагировать. Вы... Вы действительно видели Гомеса?

– Да, две недели назад, в Буэнос-Айресе. Почему это вас так взволновало?

– Мое имя – Долорес Гарсия, – произнесла женщина, помолчав. – Но это – моя девичья фамилия. Почти десять лет меня знали как Долорес де ла Квинтура. В этом архиве вы не найдете ничего из того, что вас интересует. Приходите в семь вечера в ресторан «Кристобаль Колон». Я расскажу все.

... Несколько часов спустя мы сидели за столиком ресторана. Музыка прекрасно заглушала наши голоса, но мы все равно старались беседовать тихо.

Потому что то, о чем рассказывала Долорес, было для меня настоящим шоком.

– Мы с мужем были очень счастливы, – начала она свой рассказ. – Он – довольно молодой профессор, талантливый медик, восходящая звезда генетики. Я работала рядом с ним, но в другом отделении – я была кардиохирургом. Все рухнуло тогда, в мае восемьдесят шестого. Однажды он пришел и рассказал забавную историю: в больницу заявился человек, заявивший, что он – Гитлер, и настаивавший на генетической экспертизе. Его хотели посадить в психиатрическую клинику, но экспертиза показала – он полностью вменяем. И тогда Гомес – то ли шутки ради, то ли по какой-то неизвестной мне причине – решил провести анализ ДНК. В свое время он ездил в Гейдельберг, участвовал в тамошнем генетическом проекте, и поэтому у него была расшифровка ДНК нацистского диктатора. На следующий день он пришел домой сам не свой. Совпадение ДНК было абсолютным. Ошибки быть не могло – перед ним был Гитлер.

Естественно, Гомес сообщил все начальству. Необычного пациента срочно перевели в охраняемую палату – и не случайно, потому что следующей же ночью в палату, где он находился раньше, проникли через окно неизвестные и перевернули все вверх дном. Гомес попросил усилить охрану. Через день ему сказали, что пациента заберут моряки с американского корабля.

Моряки действительно прибыли, но почти одновременно на больницу напали какие-то люди с автоматами. Они перебили охрану и, если бы американцы не вмешались, забрали бы странного пациента. Бой длился полчаса, моряки победили. Потом они схватили этого человека и уехали. Трупы убрали, кровь смыли, нам приказали обо всем молчать.

А потом к нам в квартиру пришли эти люди. Не перуанцы, нет. Почти половина из них были блондины. Они велели Гомесу немедленно уехать в Аргентину и под страхом смерти молчать о том, что произошло. Там он должен был находиться под наблюдением их друзей. Их лидер тут же написал короткую записку, которую Гомес должен был показать кому-то в Буэнос-Айресе. Она была написана по-немецки.

И мой муж уехал. Он оставил меня тут, сказав, что так будет лучше для меня. Он был охвачен страхом, паническим страхом. Я не знаю, как им удалось так напугать его. Я не слышала их разговор. С тех пор я не видела мужа... Я больше не могла оперировать – так меня потрясло все произошедшее – и перешла на работу в архив. С тех пор моя жизнь – это беспросветный мрак. Безнадега и отчаяние.

Мы помолчали. Потом я прокашлялся и спросил как можно более нейтральным тоном:

– Вы не помните содержание этого письма? Или хотя бы кому оно было адресовано?

Долорес покачала головой:

– Подпись. Только подпись. Две буквы. Они словно состояли из треугольников, ни одной кривой линии. К. Р.

Я чуть не подскочил на стуле:

– Письмо писал рыжий человек? С мелкими шрамами на правой щеке, правое ухо как будто порвано?

– Он был совсем седой, но... шрамы действительно были... Вы его знаете?

Я не отвечал. Я думал о другом. Карл Рейер. Оберштурмбаннфюрер СС Карл Рейер. Вот где я нашел тебя...

Глава 2

Рождение «Источника жизни»

Счастливое детство?

Оберштурмбаннфюрер СС Карл Рейер был одной из самых зловещих и загадочных фигур в системе «Аненэрбе» – таинственном институте «Наследие предков», представлявшем собой разветвленную сеть научно-исследовательских учреждений самого различного профиля, находившихся под контролем СС. Рейер родился в Висбадене в 1908 году. В 1926-м, в возрасте восемнадцати лет, он вступает в нацистскую партию и в ряды штурмовых отрядов – СА. Участвует во многих уличных битвах с коммунистами, в одной из которых едва не погибает от взрыва самодельной гранаты. Шрамы на лице и теле, однако, остаются у него на всю жизнь. В 1930 году он вступает в СС – личную гвардию Гитлера. После прихода нацистов к власти проследить биографию Рейера становится все сложнее. В конце 1930-х он занимает один из руководящих постов в Третьем управлении Института расовых исследований «Аненэрбе».

Третье управление – структура сама по себе в высшей степени секретная. Возглавлял ее Эрнст Шеффер, который прославился благодаря своей тибетской экспедиции 1938 года. Эта экспедиция была замаскирована под чисто научное предприятие; что делал Шеффер в Тибете на самом деле и что он привез оттуда, до конца не ясно и сегодня. Но точно известно одно: в Тибете ему была сделана операция, которая существенно повысила возможности его организма. Впоследствии такие операции проделывались на десятках тысяч человек, из которых формировались так называемые специальные батальоны СС.

Специальные батальоны были строго секретными подразделениями и находились в личном подчинении Гимmlера, который собственноручно, можно сказать, направлял их на самые ответственные участки. Даже точное число их неизвестно – мы знаем только, что их было не меньше двадцати и не больше тридцати. Я знаю о существовании 29-го батальона, но в нумерации, возможно, были пропуски. Так, о 10-м батальоне нет вообще никаких сведений. В каждом было от пятисот до тысячи человек, таким образом, общее число колеблется в пределах десяти – тридцати тысяч солдат и офицеров. Еще мы знаем, что комплектовались эти батальоны добровольцами, прошедшими строгий отбор. Отбором занималось Третье управление Института расовых исследований, входившее в состав «Наследия предков». Причем не только отбором, но и подготовкой. И подготовкой весьма своеобразной, с использованием привезенных из Тибета методик и новейших медицинских открытий. Об этом я не раз уже писал в своих предыдущих книгах, поэтому здесь не стану повторяться и сразу перейду к делу. К Рейеру.

Имя Рейера попадалось мне раньше скорее случайно. Дело в том, что в Третьем управлении он курировал программу «Лебенсборн», которая казалась мне довольно банальной. Теперь, похоже, настало время вновь вернуться к этой теме.

Итак, для начала постараюсь опереться на то, что мне было известно достоверно. Суть программы «Лебенсборн» заключалась в том, что нацистские вожаки решили вывести «чистую расу» методом, что называется, направленной селекции. Девушка, подходившая под арийские стандарты, могла родить ребенка от такого же мужчины и затем отдать его на воспитание в специальный воспитательный дом. Кроме того, в оккупированных странах немцы отбирали подходящих по внешним признакам детей и тоже направляли их в эти вос-

питательные дома. Я знал, что программа «Лебенсборн» с 1942 года находилась в ведении института «Аненэрбе», конкретно Третьего управления Института расовых исследований.

По некоторым данным, через систему «Лебенсборн» прошло около двадцати тысяч детей. Точнее установить нельзя – львиную долю документов по этому проекту эсэсовцы в конце войны уничтожили. Поэтому детям было ой как непросто установить своих настоящих родителей. У кого-то это получилось, у кого-то – нет, причем последних большинство.

После войны об этой программе отзывались в основном в издевательском ключе. Мол, вот дураки нацисты, хотели вырастить самых сильных и умных, а вырастили слабых тупиц. Этот тезис – воспитанники «Лебенсборна» были хуже своих сверстников – повторялся так часто, что заставил меня усомниться. Действительно, по всем канонам дети, воспитанные эсэсовцами, должны были в плане физического и умственного развития по крайней мере не уступать своим сверстникам. Во всяком случае, особых причин для их глупости и неразвитости не наблюдалось.

Я начал копать. Все действительно оказалось с точностью до наоборот. Основная часть детей находилась вполне на уровне своих сверстников. Но у многих были обнаружены отклонения, причем, что называется, в лучшую сторону. Кто-то был намного крепче физически, кто-то умнее, причем весьма существенно. Одним словом, эксперимент явно удался. Именно поэтому победители, как заведенные, твердили о его провале.

Дальше – больше. Оказывается, именно у таких необычных детей практически никогда не удавалось найти отцов! Известно лишь три случая, когда личности отцов были установлены. Во всех трех ими являлись офицеры СС. А теперь попробуйте угадать, где они служили? Да-да, именно в специальных батальонах! Что же получается – те изменения, которые вносились нацистскими медиками в организм отцов, передавались и детям? Но для этого требовалось вмешательство на генетическом уровне!

Могли ли нацисты при тогдашнем развитии науки сделать что-нибудь подобное? Думаю, вряд ли. Разумеется, полностью отрицать такую возможность было бы глупо, но я хочу снова опереться на косвенные данные. Да, у детей «Лебенсборна» были весьма неплохие способности, но каких-то сверхчеловеческих качеств за ними не замечалось. Отклонения в лучшую сторону, о которых я говорил, находят вполне обыденное объяснение. Ведь для реализации программы выбирали физически и психически здоровых молодых людей. А это уже само по себе обеспечивало неплохие условия для развития ребенка. Или я все же ошибаюсь, и нацистским медикам были известны какие-то неведомые современной науке секреты.

Во всем этом стоило разобраться. Причем с самого начала.

... Общественный союз «Лебенсборн» (в переводе с немецкого – «источник жизни») был создан в декабре 1935 года. Базой для него послужила созданная годом ранее организация «Мать и дитя». Как известно, Гитлер был полон решимости быстро увеличить численность немецкого народа, чтобы его хватило и на войну со всем миром, и на колонизацию захваченных обширных территорий. Был официально принят лозунг: население Германии должно удвоиться в течение жизни одного поколения! По подсчетам демографов, для этого было нужно, чтобы на каждую женщину детородного возраста приходилось аж по пять детей. Реальность же совершенно не соответствовала надеждам нацистской верхушки – население хоть и росло, но медленно, более того, в стране делалось ежегодно не менее миллиона аборт. Этот последний факт не просто раздражал, а буквально бесил Гитлера. В то же время нацистский вожак прекрасно понимал, что драконовскими мерами дело не исправишь. Поэтому была введена в действие масштабная программа поддержки матерей-одиночек. Теперь беременная женщина могла прийти в специальный роддом, где ее не спрашивали ни об отце будущего ребенка, ни о каких-либо еще сопутствующих обстоятельствах. После родов молодая мать могла выбрать: либо взять ребенка себе и воспитывать его, получая от

государства небольшую, но стабильную финансовую помощь, либо оставить ребенка государству.

«Лебенсборн» стал развитием этой идеи. В уставе организации были зафиксированы четыре ее основные цели. Первая – поддерживать ценные в расовом отношении германские семьи. Вторая – определять заранее и создавать благоприятные условия для девушек, от которых должно родиться «качественное», если можно так выразиться, потомство. Третья – забота о родившихся под эгидой программы детях. Четвертая – забота об их матерях. Вот так, все довольно просто и незамысловато.

Изначально «Лебенсборн» позиционировался как независимая организация, над которой СС всего лишь осуществляет шефство. Три года спустя союз перешел в прямое подчинение рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Честно говоря, особого смысла я в этом не видел и завязал узелок на память: видимо, в 1938 году произошло некое событие, которое и стало поводом для такой реформы. Что именно – мне неизвестно. Пока что неизвестно.

Серьезные перемены произошли только с началом Второй мировой войны. Отправка на фронт миллионов молодых мужчин должна была неизбежно и очень значительно снизить рождаемость в Третьем рейхе. Чтобы этого не произошло, нацисты всячески поощряли появление на свет «солдатских детей». Во-первых, военнослужащим – даже в самый разгар боевых действий – предоставлялись регулярные отпуска на родину. Во-вторых, всячески поощрялись случайные связи между солдатами-отпускниками и незамужними женщинами. В особенности это касалось солдат СС. Один из нацистских вожakov даже произнес перед студентками одного немецкого университета речь, в которой говорил о необходимости «пустить в ваши стойла жеребцов из СС». Это не слишком корректное высказывание едва не привело к студенческим волнениям. А 28 октября 1938 года появился на свет приказ Гиммлера, в котором, в частности, говорилось:

Выходя за границы, вероятно, в остальном необходимых гражданских законов и обычаев, высшей задачей немецких женщин и девушек хорошей крови (также и не состоящих в браке) может быть желание – не из легкомыслия, а по глубочайшей нравственной причине! – стать матерью детей отправляющегося на фронт солдата, о котором только одной судьбе известно, вернется ли он на родину или погибнет за Германию.

Механизм «Лебенсборн» работал довольно успешно, но с поставленной Гитлером сверхзадачей, конечно же, не справлялся. Удвоить население страны за каких-нибудь четверть века только за счет повышения рождаемости – задача почти нереальная. Поэтому пришлось искать какие-то иные пути выполнения поставленной фюрером задачи.

И здесь нацистам очень пригодился турецкий опыт. Как известно, элитным подразделением турецкой армии на протяжении многих веков был янычарский корпус. Комплектовался он довольно интересным образом: турки каждый год отбирали у находившихся в их подчинении христианских народов – болгар, греков, сербов – определенное число младенцев. Дети с пеленок воспитывались в мусульманской вере и не знали своего происхождения. Потом они становились великолепными солдатами, преданными султану.

Тем же путем решил пойти и Гитлер. Уже в самом начале войны были отданы распоряжения, в соответствии с которыми сотрудники «Лебенсборна» должны были прочесывать Польшу в поисках подходящих в расовом отношении детей в возрасте не старше двух лет. Если таковые находились – их безжалостно отнимали у родителей и отправляли в Германию. Здесь специальная комиссия производила проверку их «расовой полноценности» по сорока семи параметрам, касавшимся в основном формы и размеров черепа. Если дети подходили – их направляли в специальные детские дома или немецкие семьи. Если нет – участь малышей была печальна.

По мере того как война распространялась на всю Европу, деятельность эмиссаров «Лебенсборна» тоже расширяла свои границы. «Мне не интересна такая деталь, русские они или чехи, если эти люди могут дать достойное пополнение нашей крови. Если надо, мы выкрадем их детей и воспитаем их в нашей стране», – сказал Гиммлер в 1943 году. В итоге за годы войны только с территории Польши было вывезено, по некоторым данным, не менее ста пятидесяти тысяч детей. А ведь огромное число подходивших по расовым признакам младенцев было захвачено в Чехии, России, Югославии... Оценить общее их количество невозможно, но вряд ли оно было меньше миллиона. Разыскать этих детей после войны и вернуть настоящим родителям было попросту невозможно – на каждого ребенка заводился комплект документов, где проставлялась произвольная дата рождения и новое, немецкое имя. Многие из украденных некогда младенцев до сих пор живут в ФРГ, искренне считая себя чистокровными немцами и не подозревая о своем славянском происхождении...

Славяне должны быть уничтожены!

Широко известно о том, что Гитлер собирался уничтожить всех евреев. Меньше говорят о том, что та же участь ждала всех славян, которых нацисты тоже считали низшей расой. Уже в Польше в 1939 году Третий рейх продемонстрировал, какими методами будет решаться национальный вопрос. Но настоящая расовая война развернулась, только начиная с 1941 года, когда Гитлер вторгся в Россию.

Историки спорят – и еще долго будут спорить – о том, почему нацистский главарь принял такое решение. Иногда приходится слышать, что он опасался агрессии со стороны русских. На самом деле это не так, Гитлер весьма презрительно относился к возможностям большевистской империи, считая ее колоссом на глиняных ногах, а ее жителей – ни на что не способными варварами, которые только зря копят небо. Судя по высказываниям фюрера, уничтожение России было для него самоцелью – он считал, что это «жизненное пространство», которого так не хватает германской расе, должно быть захвачено. Плодородные поля Украины, нефтяные месторождения Кавказа, уральский металл – всем этим должна распоряжаться Германия. Именно в таком духе Гитлер высказывался еще в 1925 году в своей знаменитой книге «Моя борьба». А в 1939 году, накануне мировой войны, он повторил свою мысль: «Все, что я предпринимаю, направлено против России».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.